2026_11_13_Абу-Даби — Москва — Дублин: возвращение к инварианту 2021 года и борьба за архитектуру безопасности

GTP Lab, 13 ноября 2026 года, www.gtpglobals.com

Трёхдневный дипломатический марафон 10–12 ноября 2026 года, связавший в единый операционный контур закрытые консультации в Абу-Даби, переговоры в Кремле и ночную встречу на аэродроме Бальдоннелл под Дублином, прервал восьмимесячную паузу в прямых очных контактах между Россией, США и Украиной. В информационном поле эти события мгновенно породили привычную поляризацию оценок — от объявления очередного раунда «безрезультатным» до ожиданий скорого перемирия. Однако оба полюса представляют собой когнитивную ловушку, возникающую при попытке судить о сложной системе по её поверхностным проявлениям.

Если очистить события от медийного шума и рассмотреть их дедуктивно — от фундаментальных категорий управления и системной топологии к верифицированным дипломатическим фактам, — открывается иная картина. Впервые с момента окончания холодной войны предметом трёхстороннего обсуждения стали не только технические параметры прекращения огня, но и базовые принципы архитектуры европейской безопасности. При этом стержнем переговорной конструкции оказался фактор, который западные столицы на протяжении почти пяти лет предпочитали выносить за скобки: неаннулированный статус российских проектов договоров с США и НАТО от декабря 2021 года.

1. Категориальная диагностика кризиса: инверсия причины и следствия

Для понимания того, почему встреча в столице ОАЭ не привела и не могла привести к одномоментному подписанию мирного соглашения, необходимо отделить **Явление** от **Сущности**. На уровне *Явления* 10–11 ноября в Абу-Даби стороны зафиксировали расхождение позиций и ограничились продвижением гуманитарного трека. На уровне *Сущности* произошло столкновение двух взаимоисключающих причинно-следственных моделей урегулирования.

Ключевое системное противоречие текущего раунда заключается в инверсии категорий **Причины** и **Следствия**:

- **Модель Киева и Европейского союза** выстраивает последовательность от тактического к стратегическому. Согласно заявлениям президента Украины Владимира Зеленского, главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен и премьер-министра Италии Джорджи Мелони (в изложении Anadolu Agency, «Радио Свобода» и Kursiv Media), безусловное прекращение огня и предоставление Украине надёжных гарантий безопасности выступают необходимой **Причиной** — предварительным условием, без выполнения которого переход к политическому и территориальному диалогу невозможен.
- **Модель Москвы** выстраивает обратную иерархию — от стратегического к тактическому. Как следует из позиции российской делегации во главе с помощником президента Владимиром Мединским и комментариев помощника президента РФ Юрия Ушакова («Ведомости», «Интерфакс»), **Причиной,** способной остановить боевые действия, является устранение первопричин конфликта: фиксация территориальных реалий (включая вывод украинских подразделений из контролируемых Киевом районов Донбасса), внеблоковый статус Украины и юридическое закрепление контуров безопасности России. Остановка

боевых действий без решения этих вопросов рассматривается Москвой как искусственная заморозка, позволяющая противнику выиграть время для перегруппировки.

В терминах теории систем переговорный процесс удерживается на нижней границе **Меры**. С одной стороны, продолжающиеся боевые действия и удары по энергетической и промышленной инфраструктуре («Радио Свобода») поддерживают высокий уровень системной энтропии и постоянного силового давления. С другой — запуск гуманитарного обмена военнопленными создаёт единственный устойчивый островок локальной негэнтропии, не позволяющий дипломатическому каналу окончательно разрушиться. Попытка любой из сторон навязать свою причинно-следственную схему в ультимативной форме немедленно выводит процесс за пределы *Меры* — в зону очередного срыва.

2. Неаннулированный инвариант декабря 2021 года: от жёсткого Знака к обновлению

Главным методологическим просчётом многих наблюдателей при оценке переговоров 2026 года остаётся представление об украинском кризисе как об изолированном региональном конфликте. В действительности для российской стратегии этот кризис выступает лишь производной от более широкого противоречия, исчерпывающе зафиксированного в декабре 2021 года в двух проектах договоров — о гарантиях безопасности между РФ и США и о мерах обеспечения безопасности РФ и государств — членов НАТО.

В категориальной сетке анализа эти документы выполняют функцию **Неизменного** — системного инварианта целеполагания. Они никогда не отзывались и не аннулировались Москвой. Изменилась военно-политическая обстановка, сменились переговорные форматы и конфигурации фронтов, но сам **Образ** неделимой европейской безопасности — отказ от расширения НАТО на восток, неразмещение ударных вооружений вблизи российских границ, возврат военной инфраструктуры альянса к положению 1997 года и сворачивание военного сотрудничества НАТО с постсоветскими государствами — остался неизменным.

Ход событий 10–12 ноября 2026 года документально подтвердил, что этот инвариант вернулся в центр переговорной повестки:

1. **Прямая апелляция Москвы:** По свидетельству заместителя министра иностранных дел РФ Сергея Рябкова («Интерфакс», 12 ноября 2026 года), российская делегация обращалась к проектам договоров декабря 2021 года непосредственно в ходе дискуссий в Абу-Даби. Более того, по данным дипломатических источников (Vesti.az, 11 ноября 2026 года), Москва вновь обозначила требование к Североатлантическому альянсу сократить сотрудничество с постсоветскими странами. На следующий день, 12 ноября, в ходе переговоров в Кремле президент России Владимир Путин прямо напомнил спецпосланникам президента США Стиву Уиткоффу и Джареду Кушнеру об основных положениях декабрьских инициатив 2021 года (о чём сообщил Юрий Ушаков в передаче «Интерфакса», BFM.ru и «Радио Свобода»).
2. **Трансформация Знака при сохранении Образа:** В логике информационного генезиса содержание смысла проходит каскад *Образ - Символ - Знак - Сигнал*. В декабре 2021 года базовый Образ был упакован в жёсткий юридический **Знак** двух проектов договоров. К ноябрю 2026 года прежний Знак перестал соответствовать изменившимся военно-политическим условиям, однако сам Образ потребовал новой кодификации. По сведениям американского портала Axios (в изложении

Forbes Ukraine и Postimees от 12 ноября 2026 года), Уиткофф и Кушнер заявили в Абу-Даби, что мир с 2021 года существенно изменился, и предложили Москве подготовить новый проект соглашения по безопасности в Европе. При этом американская сторона настаивает, чтобы документ включал не только российские требования, но и «симметричные шаги» по деэскалации, способные сделать конструкцию приемлемой для европейских столиц. Юрий Ушаков подтвердил, что Москва намерена дополнить предложения 2021 года «свежими соображениями» с учётом нынешней международной обстановки и готова незамедлительно обсуждать с Вашингтоном новую архитектуру европейской безопасности («Интерфакс», BFM.ru).

3. **Семантический разрыв вокруг «гарантий безопасности»:** Именно на этапе перехода от общих деклараций к конкретным юридическим формулам возникает главная угроза подмены смыслов. Как точно отметил ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО Николай Силаев в комментарии газете «Ведомости» (11 ноября 2026 года), стороны оперируют одним и тем же термином — «гарантии безопасности», — но вкладывают в него противоположное содержание. Для Киева и европейских столиц это максимальное насыщение Украины оружием, финансовая поддержка и создание механизмов военного сдерживания России. Для Москвы подлинные гарантии — это нейтральный, внеблоковый статус Украины, отсутствие на её территории иностранных баз и воинских контингентов, а также устранение угроз на западных рубежах РФ.

Показательна в этом отношении полемика вокруг обсуждаемой Вашингтоном модели гарантий для Украины по аналогии со статьями 4 и 5 устава НАТО без формального членства в альянсе («Ведомости», «Радио Свобода»). Владимир Зеленский публично выразил скепсис по поводу расплывчатых формулировок без жёстких автоматических обязательств вступления союзников в войну, опасаясь получить декларативный симулякр. В то же время Москва проводит жёсткую красную линию: Юрий Ушаков охарактеризовал идею размещения европейского военного контингента на территории Украины как «рецепт к нескончаемой войне» («Интерфакс», 12 ноября 2026 года).

3. Топология челночной дипломатии: Иерархия, Сеть и «европейский узел»

С точки зрения системного управления трёхдневный цикл 10–13 ноября продемонстрировал столкновение двух организационных принципов: жёсткой **Иерархии** и распределённой **Сети.**

Первый этап развернулся **10–11 ноября 2026 года в Абу-Даби**, став третьим раундом трёхсторонних консультаций с начала года (после встреч в Абу-Даби 4–5 февраля и последующего раунда в Женеве, о чём напоминают «Ведомости» и ТСН). Регламент носил закрытый рабочий характер: 10 ноября дискуссии продолжались около четырёх — четырёх с половиной часов с сорокаминутным перерывом, 11 ноября — чуть менее двух часов («Ведомости», Kursiv Media, Anadolu Agency).

Особое значение имел уровень и профиль представительства, свидетельствующий о сопряжении дипломатического и военно-разведывательного контуров («Интерфакс-Украина», «Ведомости», Gazeta.uz):

- **Российскую делегацию** возглавлял помощник президента Владимир Мединский; в неё вошли заместители главы МИД Сергей Рябков и Михаил Галузин, начальник Главного управления Генштаба ВС РФ Игорь Костюков и представитель Генштаба Юрий Жигарловский.

- **Украинскую делегацию** возглавлял руководитель Службы внешней разведки Рустем Умеров; в её составе работали руководитель Офиса президента Кирилл Буданов, его первый заместитель Сергей Кислица, заместитель начальника Главного управления разведки Минобороны Вадим Скибицкий и глава парламентской фракции «Слуга народа» Давид Арахамия.
- **Американскую сторону** представляли спецпосланники президента Стив Уиткофф и Джаред Кушнер, а также командующий Европейским командованием ВС США и верховный главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе (SACEUR) генерал Алексус Гринкевич, возглавивший работу военной группы.

Участие в переговорах руководителей военных разведок и действующего главкома ОВС НАТО в Европе подтверждает, что за закрытыми дверями обсуждались не общие декларации, а конкретные параметры разведения сил, контроля за прекращением огня и архитектуры безопасности. При этом проявилась асимметрия в свободе манёвра делегаций: по оценке Давида Арахамии (в изложении Informburo), российская группа действовала в рамках строго зафиксированных директив центра, исключающих импровизацию — классический образец иерархической устойчивости. Спецпосланник США Джаред Кушнер в комментарии агентству Reuters охарактеризовал прошедшие дискуссии как «очень содержательные», но «довольно сложные… после почти восьми месяцев разлуки», констатировав сохранение «существенных разногласий». В свою очередь, замдиректора ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Дмитрий Суслов («Ведомости») подчеркнул историческую новизну самого факта: впервые после холодной войны в трёхстороннем формате начала обсуждаться общеевропейская безопасность.

Второй и третий этапы вскрыли сетевую логику американской челночной дипломатии, вынужденной последовательно стыковать несовпадающие центры принятия решений:

- **12 ноября (день) — Москва:** Стив Уиткофф и Джаред Кушнер провели в Кремле двухчасовую (около 2,5 часов) встречу с Владимиром Путиным при участии Юрия Ушакова («Интерфакс», ТАСС). Помимо обсуждения архитектуры европейской безопасности и неаннулированных предложений 2021 года, российский лидер выдвинул конкретную гуманитарную инициативу — организацию гуманитарной миссии в Константиновке по образцу ранее проведённой операции в Алешках с участием уполномоченных по правам человека России и Украины и введением пятидневного режима разминирования; эмиссары США эту идею поддержали (Expert.ru, Anadolu Agency). По итогам кремлёвской встречи Стив Уиткофф заявил в интервью телеканалу CNN, что к следующему раунду переговоров присоединятся представители европейских стран (БЕЛТА, АЗЕРТАДЖ).
- **12 ноября (вечер) — Дублин:** Сразу из Москвы американские посланники вылетели в Ирландию, где на военном аэродроме Кейсмент в Бальдоннелле к западу от Дублина провели переговоры с Владимиром Зеленским («Ведомости», LIGA.net, «Украинская правда»). Перед этой встречей украинский президент скоординировал позиции с советниками по национальной безопасности стран «европейской четвёрки» (E4) и институтов ЕС. По итогам контактов было подтверждено, что европейские представители примут прямое участие в следующем переговорном раунде с правом голоса.

Именно здесь обнаруживается главный системный парадокс — **проблема «европейского узла»**. В Абу-Даби 10–11 ноября европейцы присутствовали лишь в режиме кулуарных консультаций (БЕЛТА). Администрация Дональда Трампа осознаёт, что без вовлечения Брюсселя, Лондона, Парижа и Берлина любая двусторонняя или трёхсторонняя договорённость будет саботирована европейскими столицами, на которые Вашингтон намерен переложить основное финансовое и военное бремя послевоенной стабилизации.

Однако включение Европы в официальный формат мгновенно вносит в контур мощный вектор сопротивления. Накануне раунда в Абу-Даби министр иностранных дел Франции Жан-Ноэль Барро категорически заявил, что Европа не намерена вести с Россией переговоры об архитектуре европейской безопасности до завершения конфликта на Украине (NEWS.ru, 10 ноября 2026 года). Параллельно 12 ноября — в день визита американских посланников в Москву — Великобритания ввела новый пакет санкций против российского энергетического сектора, включив в него компанию «Славнефть», проект «Восток Ойл» и всю десятку крупнейших нефтедобывающих компаний России («Радио Свобода»).

Таким образом, к середине ноября 2026 года сложилась противоречивая топология: Вашингтон и Москва формируют контур обсуждения новой системы европейской безопасности, опирающийся на переосмысление инварианта 2021 года, тогда как европейские участники входят в переговорный процесс с установкой на блокирование самой этой повестки до предварительной заморозки конфликта.

4. Матрица мотивов и фактор времени: почему январь 2027 года сжимает окно возможностей

Чтобы перейти от описания дипломатической геометрии к прогнозу, необходимо сопоставить стратегические интересы и тактические стимулы всех четырёх субъектов процесса через призму категорий **Времени**, **Свободы — Необходимости** и **Возможности — Действительности**. Главным внешним ограничителем, превращающим календарь конца 2026 года в инструмент политического давления, стали итоги промежуточных выборов в США 3 ноября 2026 года. По их результатам Демократическая партия установила контроль над Палатой представителей, новый состав которой приступит к работе **3 января 2027 года** (Report.az).

Этот институциональный рубеж формирует жёсткую асимметрию временных стратегий участников:

- **США (администрация Дональда Трампа):** Действуют в условиях острого дефицита времени — до вступления в полномочия демократического большинства в нижней палате Конгресса остаётся около семи недель. Стратегический интерес Белого дома состоит в том, чтобы выйти из прямого финансирования военного конфликта, переложить основную тяжесть послевоенной стабилизации на Европу («Ведомости») и открыть двусторонний российско-американский экономический трек в энергетике и сырьевом секторе. Тактический мотив Вашингтона — максимальное ускорение переговорного темпа через челночную дипломатию и принуждение партнёров к компромиссу до января 2027 года.
- **Россия:** Опирается на стратегию длительной устойчивости и действующий инвариант безопасности декабря 2021 года («Интерфакс», BFM.ru). Для Москвы фактор времени не носит критического характера, пока сохраняются инициатива на линии боевого соприкосновения и устойчивость экономики РФ. Тактический мотив российской стороны заключается в использовании заинтересованности Вашингтона в быстрой сделке для того, чтобы перевести диалог в плоскость прямой договорённости о новой архитектуре европейской безопасности и поэтапного снятия ограничений, категорически исключая безусловную заморозку фронта без выполнения базовых политико-территориальных требований.
- **Украина:** Выстраивает стратегию удержания позиций и минимизации уступок. Стратегический интерес Киева — остановка боевых действий при получении

юридически обязывающих и военно-технически обеспеченных гарантий защиты, исключающих возобновление конфликта (Anadolu Agency, «Радио Свобода»). Тактический мотив состоит в том, чтобы не допустить навязывания односторонних территориальных решений до 3 января 2027 года, опираясь на поддержку европейских столиц и рассчитывая на изменение политического баланса в Вашингтоне после начала работы обновлённой Палаты представителей.

- **Европейский союз и Великобритания:** Стремятся заблокировать любую модель урегулирования европейской безопасности, согласованную между Москвой и Вашингтоном без прямого участия Брюсселя и Лондона. Тактический мотив европейских акторов — затягивание обсуждения общеевропейской архитектуры безопасности до предварительного прекращения огня (позиция главы МИД Франции Жан-Ноэля Барро, NEWS.ru) при параллельном наращивании санкционного давления (пакет санкций Великобритании от 12 ноября против «Славнефти», проекта «Восток Ойл» и десятки крупнейших нефтекомпаний РФ, «Радио Свобода»).

Показательным индикатором соотношения *Возможности* и *Действительности* в этой матрице интересов выступает гуманитарный контур — единственная сфера, где тактические стимулы сторон совпали. По итогам консультаций в Абу-Даби Москва и Киев подтвердили подготовку крупного обмена военнопленными (Informburo, «Радио Свобода»). При этом строгое источниковедение требует разделять официальный статус договорённостей и медийные оценки: помощник президента РФ Юрий Ушаков констатировал, что конкретные параметры обмена ещё находятся в стадии согласования («Интерфакс»), тогда как издание 66.ru сообщило об оценках возможного обмена по формуле «1 000 на 1 000 человек» в течение двух-трёх недель, а Владимир Зеленский озвучил ориентир «1 000 на 1 000 или даже 1 500 на 1 500». Даже если итоговая цифра окажется ниже максимальных ожиданий, масштаб операции кратно превысит февральский обмен 2026 года, когда стороны освободили 314 человек — по 157 с каждой стороны («Интерфакс», 5 февраля 2026 года). В сочетании с поддержанной США инициативой по гуманитарной миссии в Константиновке (по модели операции в Алешках с пятидневным разминированием и участием омбудсменов обеих стран, Expert.ru) этот трек доказывает: система способна порождать локальную негэнтропию там, где решения не затрагивают базовый конфликт безопасности.

5. Сценарное моделирование до 31 декабря 2026 года

Синтез двух ключевых структурных факторов — сохранения неаннулированного инварианта декабря 2021 года в основе российской позиции и включения европейских представителей с правом голоса в следующий раунд переговоров — позволяет выделить три вероятностные траектории развития событий на оставшиеся семь недель 2026 года.

Сценарий А (базовый, наиболее вероятный): «Институционализация четырёхстороннего формата и фиксация гуманитарно-тактического пакета»

- **Системная логика:** Прямое подключение европейских стран к переговорному столу устраняет уязвимость «невключённого узла», но неизбежно снижает скорость принятия решений. Согласовать за семь недель всеобъемлющий мирный договор, способный одновременно удовлетворить неаннулированные требования Москвы от декабря 2021 года и требования Киева и Брюсселя о предварительном перемирии, структурно невозможно. Однако наличие жёсткого временного дедлайна у Белого дома (3 января 2027 года) и уже запущенный гуманитарный процесс удерживают канал от распада.

- **Динамика реализации:** Во второй половине ноября проходит первый многосторонний раунд с участием России, США, Украины и европейских представителей. Москва передаёт обещанные Юрием Ушаковым «свежие соображения» в развитие проектов декабря 2021 года, а Вашингтон пытается обеспечить их сопряжение со встречными «симметричными шагами» деэскалации (Axios). Параллельно физически реализуется крупный обмен военнопленными и запускается гуманитарная операция в Константиновке. В декабре процесс переводится в режим специализированных рабочих групп (военная деэскалация, гарантии безопасности, экономическое взаимодействие) при параллельном развитии двустороннего российско-американского экономического диалога.
- **Итог к 31 декабря 2026 года:** Подписание или согласование рамочной дорожной карты и точечных мер снижения напряжённости (например, в энергетической сфере) при переносе ключевых решений по территориальному вопросу и юридическому статусу европейской безопасности на первый квартал 2027 года.

Сценарий Б (форсированный, умеренная вероятность): «Рамочная сделка и прекращение огня до смены конфигурации в США»

- **Системная логика:** Администрация Дональда Трампа задействует весь арсенал политического, финансового и военно-технического давления на Киев и европейских союзников, одновременно заключая закрытую пакетную договорённость с Москвой («большую сделку», связывающую украинское урегулирование со стратегической стабильностью и экономическим сотрудничеством).
- **Динамика реализации:** В конце ноября Вашингтон выдвигает консолидированный компромиссный пакет: законодательно закреплённый внеблоковый статус Украины (отказ от членства в НАТО и недопущение западных воинских контингентов на её территорию, что снимает главную красную линию Кремля) в обмен на систему неавтоматических гарантий безопасности для Киева по аналогии со статьями 4 и 5 устава НАТО (включающую механизм автоматического возврата санкций при нарушении перемирия) и поэтапное смягчение санкционного режима США. В декабре созывается экстренный саммит для фиксации прекращения огня по линии боевого соприкосновения с отложенным политическим статусом спорных территорий и одновременным запуском официальных переговоров по новой архитектуре безопасности в Европе.
- **Итог к 31 декабря 2026 года:** Объявление о режиме прекращения огня до Нового года, позволяющее Белому дому зафиксировать внешнеполитический результат до начала работы демократического большинства в Палате представителей 3 января 2027 года.

Сценарий В (энтропийный, значимый риск): «Позиционный тупик многостороннего формата и зимняя эскалация»

- **Системная логика:** Вхождение европейских делегаций с правом голоса превращает четырёхсторонний формат в механизм взаимного блокирования, воспроизводящий структурный тупик января 2022 года, когда отказ Запада предметно обсуждать декабрьские проекты договоров РФ привёл к обрушению дипломатического трека.
- **Динамика реализации:** До конца ноября стороны завершают уже согласованный обмен военнопленными, после чего многосторонний раунд заходит в тупик.

Европейские представители и Киев жёстко настаивают на формуле «сначала безусловное перемирие, затем любые дискуссии о безопасности» и усиливают санкционное давление по британской модели от 12 ноября, тогда как Москва отказывается от заморозки фронта без признания территориальных реалий и пересмотра архитектуры безопасности в Европе на базе принципов 2021 года. В декабре интенсивность дипломатических контактов падает, переговорный процесс фактически замораживается на период рождественских праздников, а Киев и Брюссель переходят в режим ожидания января 2027 года.

- **Итог к 31 декабря 2026 года:** Деградация переговорного контура, продолжение интенсивных боевых действий и зимних ударов по инфраструктуре при возвращении системы к чисто силовой логике истощения.

Заключение. Системный синтез и контрольные точки

Переговорный цикл 10–12 ноября 2026 года по маршруту Абу-Даби — Москва — Дублин не принёс мгновенного мира, но выполнил важную системную функцию: он прервал восьмимесячную дипломатическую паузу и вернул в практическую повестку первопричину кризиса — вопрос об архитектуре европейской безопасности, зафиксированный в актуальных до сих пор проектах требований России от декабря 2021 года. В балансе **Негэнтропии** и **Энтропии** дипломатический контур впервые за долгое время обрёл институциональную форму, однако его устойчивость остаётся критически зависимой от того, удастся ли участникам перевести несовпадающие представления о «гарантиях безопасности» из плоскости взаимоисключающих ультиматумов в плоскость симметричных обязательств.

Для объективного мониторинга развития системы в оставшиеся недели 2026 года достаточно отслеживать четыре верифицируемые контрольные точки:

1. **Запуск четырёхстороннего формата:** Фактический созыв и уровень представительства следующего раунда переговоров во второй половине ноября с прямым участием европейской делегации.
2. **Обмен проектными документами:** Передача Москвой обновлённых предложений («свежих соображений») по европейской безопасности и реакция на них со стороны США и Европы — станет ли этот пакет рабочим текстом или будет отвергнут европейскими участниками.
3. **Реализация гуманитарного трека:** Физическое осуществление масштабного обмена военнопленными и запуск гуманитарной миссии в Константиновке как доказательство способности сторон исполнять локальные договорённости.
4. **Динамика санкционного и силового контуров в декабре:** Введение или приостановка новых пакетов западных санкций и интенсивность ударов по инфраструктуре накануне 3 января 2027 года — даты вступления в полномочия нового состава Палаты представителей США.

Судьба начавшегося в ноябре 2026 года переговорного цикла определяется не дипломатической техникой и не электоральным календарём Вашингтона, а действием объективного системного закона: невозможно стабилизировать часть — локальный территориальный контур, — оставляя в состоянии хаоса целое, то есть архитектуру континентальной безопасности. Пока неаннулированный запрос на неделимую безопасность, сформулированный ещё в декабре 2021 года, не получит институционального разрешения в виде симметричного баланса обязательств, любое тактическое затишье будет оставаться лишь отсрочкой нового витка конфронтации. Именно поэтому главный смысл контактов по маршруту Абу-Даби — Москва — Дублин

состоит в возвращении диалога к первопричине кризиса — в ту единственную точку, где временная заморозка конфликта способна перерасти в его необратимое политическое разрешение.